

An artistic illustration of a man and a woman in 19th-century attire. The man, on the left, has dark, wavy hair and is wearing a dark blue or black double-breasted jacket over a white ruffled shirt with a large bow at the neck. The woman, on the right, has blonde hair styled in an elaborate braid and is wearing a dark, ornate dress with gold embroidery and a white ruffled collar. They are seated at a round, dark wooden dining table with ornate carvings. On the table are two wine glasses filled with a golden liquid, a small glass, and plates. The background shows a bookshelf and a window with a view of greenery outside. The overall style is romantic and detailed.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

АННА И СЕРГЕЙ -
ЗА СТОЛОМ

Сергей Патрушев

Анна и Сергей - За столом

<https://litres.ru/74354222>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одна ночь, которая длится дольше, чем целая жизнь.

Анна говорит без остановки о холодном кофе, о пробках, о бывших, о детских страхах, о смысле жизни и о том, как все вокруг идиоты. Её слова заполняют пространство, как вода, ищущая любую щель, лишь бы не остаться наедине с тишиной.

Сергей молчит. Он смотрит в окно, чистит яблоко, мешает давно остывший чай. Его молчание кажется пустотой, но на самом деле оно плотнее любых слов.

За эту ночь они успеют прожить всё: обиду и нежность, ложь и правду, страх и близость, игру в гляделки и разговор без слов. Анна будет кричать, плакать, танцевать, злиться, притворяться. Сергей будет рядом. И когда рассвет, наконец, пробьется сквозь немытое окно, оба поймут: самое важное было сказано не словами.

Кофе остывает — это роман-диалог, роман-камертон, психологическая драма о двух людях, которые учатся слышать друг друга заново. О любви, которая не кричит. О тишине, которая не пугает.

Содержание

Глава 1. Кофе остывает	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анна и Сергей - За столом

Глава 1. Кофе остывает

Тишина в этой комнате была не пустотой, а веществом. Плотным, как свалявшаяся шерсть, и слегка липким, как засахарившийся мед. Она висела в воздухе, обволакивала углы, скапливалась под потолком и медленно, неумолимо оседала на стол, на два стула, на двух людей, сидящих друг напротив друга.

Анна говорила. Голос её был высоким, чуть дребезжащим, как надтреснутый колокольчик. Она только что вошла, но казалось, будто звук её речи всегда наполнял это пространство, будто он был вплетен в сами нити выцветших обоев.

— ...и, конечно, бариста даже не извинился! Просто сунул мне этот картонный стакан, как будто это моя вина, что крышка отскочила. Я говорю: «Молодой человек, вы что, не видите?» А он смотрит сквозь меня, представляешь? Сквозь меня! И говорит: «Девушка, не задерживайте очередь». Очередь! Там стояло три человека, Сереж, три! Один вообще, по-моему, спал с открытыми глазами. Но нет, я, видите ли,

задерживаю. А ты знаешь, сколько сейчас стоит нормальный латте? Нет, ты не знаешь, ты же у нас кофе не пьешь, ты пьешь эту свою... как её... цикорий? Или это было в прошлом году? В общем, неважно. Стоит он, как крыло от самолета. И ладно бы он был горячим! Но нет! Он был еле теплым! Ты понимаешь, какое это разочарование? Ты ждешь этот глоток, это тепло, этот момент... маленький ритуал, а тебе приносят... это. Кофе, который остывает быстрее, чем ты успеваешь сказать «капучино».

Она сделала паузу, чтобы вдохнуть, но не для того, чтобы услышать ответ. Ответ ей был не нужен. Ей нужен был сам процесс — поток звука, заполняющий пустоту, затыкающий все щели, сквозь которые могло бы просочиться что-то настоящее.

Сергей сидел неподвижно. Его спина, обтянутая серым свитером грубой вязки, была прямой, как доска. Он смотрел в окно. За грязным стеклом умирал вечер. Последние лучи солнца, пробиваясь сквозь заросли тополей, бросали на пол длинные, искаженные тени. Одна из них, изогнутая и узловатая, легла точно между ним и Анной, как трещина, разделяющая ледяное поле.

Анна проследила за его взглядом, но ничего не увидела, кроме скучного двора и ржавой качели. Она вздохнула, по-

правила и без того идеально лежащую прядь волос и продолжила:

— А еще этот тип в метро! Нет, ну каков наглец! В час пик, в давке, он наступает мне на ногу. На новую замшевую туфлю, между прочим! И не просто наступает, он еще и стоит на ней! Стоит, Сереж! Как будто это подставка для его грязного ботинка. Я ему говорю: «Мужчина!» — вежливо так, с достоинством. А он даже не оборачивается. На нем наушники, представляешь? Большие такие, черные, как у ди-джея. Он, наверное, слушал там свой... техно... или что они там слушают. И он меня не слышит. Я его толкаю легонько так в спину... а он как повернется! Здоровый такой, лица нет, одни глаза. И так зло смотрит. Я аж испугалась. Думаю, все, сейчас будет хамить. А он просто отвернулся и вышел на следующей. Вот и все. И даже не извинился. Весь день насмарку. Настроение — в ноль.

Она замолчала на секунду, ожидая хоть какой-то реакции. Хоть кивка. Хоть вздоха. Ничего. Только тишина сгустилась еще сильнее.

На столе между ними стояли две чашки. Одна — с недопитым кофе, по краю которой тянулся рыжеватый след от её помады. Вторая — с простой водой, нетронутой и такой же холодной, как воздух в комнате. Анна нервным жестом взя-

ла свою чашку, поднесла к губам и тут же сморщилась.

— Фу! Совсем остыл. Просто ледяной. Ненавижу холодный кофе. Это же не кофе, а какая-то грязная лужа. Вкус у него... жестяной. И горечь какая-то неприятная, не благородная, а так... помойная. И вот скажи мне, за что мы платим деньги? За то, чтобы нам приносили то, что мы не хотим? За то, чтобы нам портили настроение? Или за то, чтобы мы могли прийти домой и пожаловаться кому-нибудь?

Она посмотрела на него. Прямо в его профиль, четкий, как вырезанный из камня. Он смотрел в окно. Там уже почти стемнело.

— Я с тобой разговариваю, между прочим, — сказала она, и в её голосе впервые прорезалась стальная нотка. — Ты мог бы хоть иногда делать вид, что слушаешь. Это элементарная вежливость. Я пришла, я устала, я хочу... я не знаю... тепла? Участия? Чтобы меня обняли и сказали: «Бедная моя, иди сюда, забудь про этих ужасных людей, про этот ужасный кофе, про этот ужасный день». А ты... ты просто сидишь и смотришь в окно. Как будто меня здесь нет. Как будто я — пустое место. Как будто я — эта самая остывшая лужа, которую ты брезгливо обходишь стороной.

Сергей медленно, как во сне, повернул голову. Его глаза

— светло-серые, почти прозрачные — остановились на ней. В них не было ни злости, ни раздражения, ни усталости. В них вообще ничего не было. Они были как два окна в дом, из которого давно съехали все жильцы.

— Шумно, — произнес он.

Это было первое слово за последний час. Оно прозвучало не грубо, а скорее констатирующе, как будто он сообщал о погоде. Будто бы констатировал очевидный физический факт, не требующий обсуждения.

Анна замерла. На секунду ей показалось, что она ослышалась. Потом в её груди что-то вспыхнуло — ярко, как бенгальский огонь, и так же быстро грозящее погаснуть.

— Шумно? — переспросила она, и голос её завибрировал. — Шумно? Я тебе душу тут изливаю, я рассказываю о своих чувствах, о том, как прошел мой день, а ты мне говоришь «шумно»? Это все, что ты можешь сказать? Это твой вклад в наше общение? В наши отношения?

Он не ответил. Взгляд его снова медленно, как прожектор маяка, уплыл в сторону окна. За окном уже совсем стемнело, и вместо двора теперь было видно только их собственное отражение: она — яркая, жестикулирующая, с пылающими

щеками, и он — бледный, застывший, как негатив.

Анна поджала губы. Что-то в ней щелкнуло. Не отчаяние, нет. Скорее азарт. Азарт игрока, который понял правила и решил идти ва-банк. Если ему шумно — она устроит ему настоящий концерт. Она станет оркестром. Целым симфоническим оркестром, играющим фальшивую, оглушительную, раздражающую музыку. Пусть попробует сбегать. Пусть только попробует.

Она откинулась на спинку стула и улыбнулась. Улыбка эта была нехорошей, слишком широкой, обнажающей зубы.

— Шумно? Тебе шумно? Ну извини! Извини, что я живая, что я разговариваю, что я не умею, как ты, превращаться в памятник самому себе! Знаешь, в чем твоя проблема, Сергей? В том, что ты считаешь себя выше всего этого. Выше метро, выше пробок, выше холодного кофе, выше меня. Ты сидишь там, в своей башне из слоновой кости, и взираешь на нас, жалких людишек, с высоты своего... своего чего? Своего молчания! Ты думаешь, что твое молчание — это золото? Нет, дорогой мой, это просто ржавчина! Ржавчина, которая разъедает все вокруг!

Она говорила все громче, слова сыпались из неё, как горох из дырявого мешка, подпрыгивали, сталкивались, раз-

летались в стороны. Она нарочно повышала голос, нарочно делала его визгливым, нарочно повторяла одно и то же, ходя по кругу, как заевшая пластинка.

— Я устала! Ты слышишь? Устала! Устала от того, что всё всегда заканчивается этим. Твоим молчанием. Я прихожу, я рассказываю, я делюсь, я пытаюсь достучаться... а ты сидишь, как удав, и смотришь. И молчишь. Или хуже — выдаешь одно слово. «Шумно»! Гениально! Просто гениально! Тебе надо было идти в писатели, с таким-то словарным запасом! Написал бы роман из одного слова. «Шумно». Шедевр! Его бы раскупали, как горячие пирожки! Нет, как горячий кофе! Который, кстати, остыл! Пока ты там смотрел в окно, мой кофе остыл! Ты хоть понимаешь, что это символ? Символ наших отношений! Они остыли, Сергей! Давно остыли! Превратились в холодную, горькую бурду, которую уже никому не хочется пить!

Она вскочила со стула. Стул с громким скрипом отъехал назад, прочертив по полу белую царапину. Анна подошла к окну, заслонив собой его вид на темный двор. Он был вынужден смотреть на неё. Или сквозь неё.

— Посмотри на меня! — почти крикнула она. — Посмотри мне в глаза, когда я с тобой разговариваю! Или тебе слабо? Ты боишься увидеть там то, что ты со мной сделал? Хотя

что ты можешь мне сделать? Ты же — никто! Пустота! Черная дыра, которая всасывает в себя весь свет, все звуки, все эмоции! С тобой рядом я чувствую себя... я чувствую себя невидимой! Я говорю — а меня нет! Я машу руками — а ты не видишь! Я плачу по ночам в подушку — а ты спишь! Или делаешь вид, что спишь! Тебе на все наплевать! На меня, на нас, на эту квартиру, на этот стол, на этот чертов кофе!

Она схватила чашку с холодным кофе и с силой швырнула её в раковину, стоящую в углу. Раздался звон, но не разбившегося стекла, а глухой удар керамики о нержавейку. Чашка, по счастью, уцелела, лишь жалобно звякнула и улеглась на бок. Рыжая лужица растеклась по белому фаянсу.

Сергей даже не вздрогнул. Только его левая бровь едва заметно приподнялась — на миллиметр, не больше. Это было единственное проявление жизни за все время. И Анна, которая ловила каждое его микродвижение, заметила это. И это взбесило её еще больше.

— Ах, ты даже не испугался! — она истерически рассмеялась. — Ну конечно! Куда мне до твоего буддистского спокойствия! Я же просто истеричка, да? Просто баба, у которой ПМС и проблемы на работе. А ты — великий, молчаливый Будда! Сидишь на своей заднице и созерцаешь пустоту! Только знаешь что? Твоя пустота — она заразная! Она пе-

рекидывается на меня! Я начинаю орать только потому, что боюсь, что если замолчу, то тоже превращусь в такую же мушкетера! Я боюсь тишины! Твоей тишины! Она страшнее любого крика!

Она замолчала, тяжело дыша. Грудь её вздымалась, как после долгого бега. Она стояла посреди комнаты, раскрасневшаяся, с выбившейся из прически прядью, и смотрела на него. На его лицо, которое оставалось спокойным, как поверхность озера в безветренный день.

Он медленно встал. Движения его были плавными, экономными, как у большого, сытого кота. Он обошел стол, приблизился к раковине, открыл кран. Струя воды с шипением ударила в чашку, смывая остатки кофе. Он выключил воду, взял чистое полотенце и начал тщательно вытирать руки. Каждое его движение было размеренным, отточенным, лишенным какой-либо спешки или нервозности.

Анна смотрела на него, не в силах отвести взгляд. В ней боролись противоречивые чувства: бешеная злость, глубокое отчаяние и странное, почти благоговейное восхищение его способностью оставаться настолько непроницаемым. Он был как камень. Холодный, твердый, молчаливый камень, о который разбивались все её волны.

— Ты будешь что-нибудь говорить? — спросила она уже тише, с нотками усталости. — Или так и будешь играть в молчанку?

Он аккуратно повесил полотенце на крючок, разгладил его, чтобы не было складок. Затем вернулся к столу, сел на свой стул и снова посмотрел в окно. Его отражение снова появилось на фоне ночного двора.

— Окно грязное, — произнес он. Второе предложение за вечер. Еще более бессмысленное, чем первое.

Анна почувствовала, как внутри неё что-то обрывается. Тонкая струна, на которой держалось её терпение, её надежда на то, что этот вечер может закончиться иначе. Что она сможет пробить эту стену. Что за этой стеной, возможно, еще что-то есть. Но нет. За стеной была только новая стена.

— Да, — сказала она с горечью. — Окно грязное. И кофе остыл. И день был ужасный. И мы с тобой уже сто лет не разговариваем по-настоящему. А ты... ты только и можешь, что замечать пыль на стекле.

Она опустилась на пол, прямо у стены, обхватила колени руками. Её голос упал до шепота.

— Иногда мне кажется, что я разговариваю с призраком. С тенью человека, которого я когда-то знала. Или думала, что знала. Тот Сергей, за которого я выходила замуж... он был другим. Он смеялся. Он спорил. Он злился. Он был живым. А ты... кто ты? Кто сидит сейчас передо мной?

Он не ответил. Тишина снова обняла комнату, но теперь она была не тяжелой, а какой-то опустошенной. Как зрительный зал после окончания спектакля, когда актеры ушли, свет погас, и остались только декорации.

В этой тишине было слышно, как на кухне капает вода из неплотно закрытого крана. Кап. Кап. Кап. Этот звук был единственным доказательством того, что время не остановилось. Что оно все еще течет, вязко, как сироп, унося их куда-то в неизвестность.

Анна подняла голову. Слез не было. Была только сухая, выжженная усталость.

— Ты голоден? — спросила она вдруг будничным, обычным голосом. Голосом, каким разговаривают с соседом по лестничной клетке. — Я купила вчера гречку и куриное филе. Могу сварить суп.

Это был их ритуал. Способ помириться, не извиняясь.

Способ вернуться в привычную колею, не решая проблем. Она предлагала еду. Он обычно кивал или молчал, что означало согласие. И наступало перемирие. Хрупкое, как лед на весенней реке, но все же перемирие.

Сергей перевел взгляд на неё. В его серых глазах, наконец, что-то промелькнуло. Не мысль, нет. Скорее отблеск воспоминания. Как свет фар проезжающей машины на миг выхватывает из темноты кусок стены.

— Нет, — сказал он. — Не хочу.

И снова отвернулся к окну. Но теперь он смотрел не на двор. Он смотрел на их отражение. На то, как она сидит на полу, маленькая, беззащитная, а он возвышается над ней на стуле, как монумент.

Анна вздохнула. Этот вздох вырвался из самой глубины её существа и повис в воздухе, не найдя пристанища.

— Знаешь, — тихо сказала она, — самое страшное — это не то, что ты со мной не разговариваешь. Самое страшное — это то, что я до сих пор жду. Я жду, что ты изменишься. Что ты повернешься ко мне. Что ты скажешь что-то... важное. Но с каждым таким вечером, как этот, моя надежда тает. Как кусочек льда в стакане с виски. Ты, кстати, не заметил,

что стал пить больше? Нет, конечно. Ты вообще ничего не замечаешь.

Она встала с пола, отряхнула джинсы. Подошла к столу, взяла его чашку с водой. Вода была теплой, комнатной температуры. Она выпила её всю, одним большим глотком. Поставила пустую чашку на место.

— Ладно, — произнесла она в пустоту. — Пойду, лягу. Завтра рано вставать. Эта пробка утром... ты же знаешь, она съедает все нервы. Хорошо, что у меня есть аудиокниги. Хоть какое-то спасение от этого безумия. От этого города. От этой квартиры. От тебя.

Она развернулась и пошла к двери. Её шаги были тихими, шаркающими, как у старухи. У самого порога она остановилась, но не обернулась.

— Спокойной ночи, Сергей, — сказала она. Это прозвучало как приговор. Как последнее слово перед казнью.

Он ничего не ответил. Да она и не ждала.

Дверь за ней закрылась с тихим щелчком. Комната опустела. Остался только он, стол, два стула и грязное окно.

Сергей сидел неподвижно еще несколько минут. Затем медленно, как будто преодолевая сопротивление, поднес руку к столу. Его пальцы коснулись края её чашки. Она была холодной и пустой. На ободке остался отпечаток её помады — яркий, вызывающий, живой. Он смотрел на этот след. Он был единственным цветным пятном во всей этой выцветшей, серой комнате. Единственным доказательством того, что она здесь была. Что она говорила. Что она кричала. Что она еще была жива.

Он убрал руку.

За окном, в темном дворе, зажглись окна соседнего дома. Там, в этих желтых прямоугольниках, тоже текла своя жизнь. Кто-то ужинал, кто-то смотрел телевизор, кто-то целовался, кто-то ссорился. А здесь, в этой комнате, воцарилась та самая, осязаемая, засахаренная тишина. Тишина, которую он сам создал, и в которой он был один. Абсолютно, бесповоротно один.

Он хотел что-то сказать. Но слова застряли где-то в горле, как сухие, безвкусные крошки. Он открыл рот, но не издал ни звука. Только воздух. Тишина победила. Время шло. Вода из крана капала. Где-то в глубине комнаты, в темноте, остывал невидимый, невыпитый кофе.

Тишина в этой комнате была не пустотой, а веществом. Плотным, как свалявшаяся шерсть, и слегка липким, как засахарившийся мед. Она не просто висела в воздухе — она обволакивала углы, скапливалась под потолком, как невидимая паутина, и медленно, неумолимо оседала на стол, на два стула, на двух людей, сидящих друг напротив друга. Она была почти осязаемой, и, если бы кто-то со стороны заглянул в эту комнату, он бы, наверное, попытался раздвинуть её руками, как плотную занавеску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.